

© 1993 г., ЭО, № 2

В. П. Алексеев

ОБЩЕНИЕ*

Я прошу принять эти страницы как посвящение всем, кому дорога память о Михаиле Михайловиче Герасимове и окружавших его коллегам.

Часть вторая

Максим Григорьевич Левин в любой группе людей выделялся другим — рафинированной интеллигентностью, парадностью и в то же время редкой простотой манер, красотой и изысканностью речи, броским сверкающим остроумием. У него как-то особенно озорно заигались глаза, и все уже знали — сейчас слетит с его губ острота, не только совершенно неожиданная (по сути дела все остроты неожиданны, если они удачны), но и всегда какая-то яркая и красивая. И сам он был очень красив — скульптурно моделированное лицо с профилем римского трибуна, величественно посаженная голова, плотная пропорциональная фигура делали его в восприятии крупным человеком, хотя он был невысокого роста. Курил он тоже постоянно, но не трубку, как И. И. Потехин, а папирасы, которые часто прикуривал одну от другой, движения имел быстрые и энергичные, вечно куда-то спешил, к собеседнику — всегда полное внимание, но в делах был напорист и не любил терять время на пустые разговоры. В поведении при всем своем дружелюбии к людям был исключительно сдержан, никогда не демонстрировал ничего «внутреннего» и даже как-то сказал мне, когда я после какой-то защиты выпил лишнее и веселился от души (сам Левин почти не пил — одну-две рюмки вина или водки в гостях или с гостями, но выпить мог много и никогда не пьянел), что завидует способности такого внутреннего раскрепощения.

Однако подавляющий авторитет Максима Григорьевича в институте объяснялся многими причинами помимо его исключительного человеческого обаяния. И дело не только в организационных способностях — ему было присуще то врожденное чувство такта и меры, которое только и дает возможность человеку распутывать и решать самые сложные вопросы, причем решать так, что все оказывались удовлетворенными: интересы всех были умело соблюдены. Левин всегда кого-то уговаривал, убеждал, мирил; иногда приходил к антропологам (он руководил небольшим антропологическим сектором института) и с удовольствием рассказывал, как ему удалось «добиться мира» в той или иной конфликтной ситуации и успокоить «враждующие стороны». В институте его за глаза называли дипломатом, часто говорили: «Дело хитрое, нужно обратиться к Левину», — и это было признанием того, что все возможности, действительно, уже исчерпаны, и остается одна надежда — на него.

Вспоминаются многие случаи проявления его исключительного такта и умения преодолевать тупиковые ситуации. Приведу один, ярко характеризую-

* Начало см. в предыдущем номере журнала.

Рис. 1. На одном из заседаний. На первом плане (слева направо): М. Г. Левин, Т. А. Трофимова, С. П. Толстов, Г. Ф. Дебец; стоит И. И. Гохман. Начало 1960-х годов

ющий не только его доброжелательное поведение по отношению к сотрудникам, но и тонкий учет психологической ситуации в дирекции. По моему недосмотру в издающемся антропологическом сборнике (я редактировал его совместно с Левиным) название одной из статей (вследствие внесенных в него и неправильно реализованных наборщиком изменений) оказалось тяжелым и маловыразительным. Замечено все было лишь тогда, когда пришел сигнальный экземпляр, т. е. когда весь тираж уже был готов. Все антропологи выступили за то, чтобы оставить «так», «не заметить», — в конце концов специалист во всем разберется, и только Татьяна Алексеевна Трофимова, супруга Сергея Павловича Толстова, была против: она считала, что надо сделать выдирку. Последнее привело бы (помимо неприятностей и расходов) к задержке выхода книги на несколько месяцев. У нас не было сомнений, что Толстов примет точку зрения Трофимовой и выпуск задержится. Левин после некоторого размышления сказал, что придумал «ход», все должно быть в порядке, но какой «ход» — не сказал. Было известно, что Толстов посетит одно из ближайших заседаний сектора, чтобы послушать интересный доклад. Когда заседание закончилось и завязалась общая беседа, Левин вдруг сказал: «Да, кстати, Сергей (они были на „ты“), у нас здесь вышел спор по делу, о котором ты знаешь. Все мы категорически против выдирки, она затруднит и нам, и тебе жизнь, и только Татьяна Алексеевна настаивает. Как все же ты решишь?» Все взоры с любопытством устремились на Сергея Павловича, и ему ничего не оставалось, как поддержать подавляющее большинство.

Институт называл Левина не только дипломатом, но и краснобаем, вкладывая в это слово его первоначальный смысл — говорить красно, красиво. Среди историков, археологов и этнографов было много хороших ораторов, и аудиторию трудно было удивить интересным рассказом или ярким докладом, но доклады Левина собирали очень много народа, так как помимо содержательности всегда отличались красотой формы. Докладчик говорил изысканно, изящно, а когда слушатели уставали, бросал милую шутку, и после доклада оставалось праздничное настроение, как после хорошо поставленного и прекрасно сыг-

ранного спектакля. Распространено заблуждение, которое я сам долго исповедовал, что хороший оратор не боится и не стесняется аудитории, чувствует себя в ней, как дома. Как это неверно! Самые неудачные ораторы как раз те, которым наплевать на аудиторию, которые глубоко равнодушны к ней и для которых все равно — выступить или не выступить. Я сам бывал не раз свидетелем того, как Левин перед публичным выступлением волновался до дрожи в руках, перед докладом даже приходил в сектор и глотал какие-то успокаивающие таблетки... но проходили минуты и за кафедрой стоял человек, замечательный артистизм и подавляющая ораторская воля которого в мгновение пленяли и подчиняли публику.

Работником Максим Григорьевич был выдающимся, и его неординарность как научного явления остро сознавалась всеми еще при его жизни. Его жизнь и деятельность — весьма убедительный пример того, что далеко не всегда творческий и рабочий потенциал ученого отражается в степенях и званиях. Докторскую диссертацию он защитил в 54 года, за 4 года до смерти, тогда же получил звание профессора. До этого он был кандидатом наук, таким же кандидатом, как многие только что окончившие аспирантуру 25—26-летние сотрудники. Но редко бывало, чтобы аудитория так единодушно каменела в полной тишине и начинала настойчиво следить за ходом прений, когда Левин вставал и просил слова, редко так жадно ловилось это слово слушателями. Оно было всегда умным и емким, бездонная эрудиция порождала необычайно интересные и совсем неожиданные ассоциации, вслед за каскадом ассоциаций Левин формулировал глубокие и также часто неожиданные идеи, мысль бежала, сплетая в единый клубок самые разнообразные антропологические и этнографические факты, и открывались далекие перспективы познания, столь заманчивые, когда о них говорит крупный ученый.

Такие же перспективы открывали и печатные труды Левина. Безусловно, он был одним из образованнейших людей своего времени и самым образованным антропологом в истории русской и советской антропологии, за исключением, может быть, лишь Анучина. Говоря так, я имею в виду не совокупность фактов, собранных в процессе деятельности и цепко удерживаемых памятью, а творческое отношение к ним, если можно сказать, творческое образование, нацеленное на создание нового. Работая в середине XX в., в эпоху, когда специализация науки достигла уже очень высокого уровня, он полностью охватывал две области знания — этнографию и антропологию, каждая из них и тогда отличалась большим объемом эмпирического материала. В этих двух областях Левин выступал, и вводя в науку конкретные эмпирические наблюдения, т. е. оперируя конкретным эмпирическим фактом, и предлагая теоретические разработки, т. е. надстраивая теоретический аппарат науки. Но профессиональная эрудиция в данном случае не ограничивалась и этими двумя науками. Уже имея университетское антропологическое образование, Левин окончил медицинский факультет и до тонкости изучил анатомию человека, особенно же преуспел в понимании структуры проводящих путей мозга — самой сложной области морфологии человека. Проф. Абдушелишвили, так же, как и Левин, антрополог, получивший медицинское образование, говорил мне, что в бытность его аспирантом известный анатом Минаков, создававший тогда атлас анатомии человека и предложивший научной обществу объемную модель проводящих путей головного мозга человека, назвал Левина лучшим в Союзе знатоком в этой специальной области. К сожалению, эти знания не нашли отражения в печатных трудах, но Левин много лет вел соответствующий спецкурс на кафедре антропологии биологического факультета МГУ, и его бывшие ученики, сами уже маститые ученые, до сих пор помнят этот спецкурс — так ясно, логично и богато он был построен, и так увлекательно умел преподавать Левин эту трудную для восприятия область морфологии.

Опубликованных Левиным работ хватило бы на несколько крупных ученых.

Выше уже упоминалась его докторская диссертация, вылившаяся в огромную книгу по проблемам этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока, которые глубоко и тщательно разбирались на основе всех доступных видов источников — исторических, антропологических, этнографических, археологических, лингвистических и др. Книга эта — до сих пор настольная для любого обращающегося к этой тематике или вообще разрабатывающего вопросы этногенеза, так как она содержит огромный фактический материал и является превосходным методическим руководством к тому, как надо исследовать этногенетические проблемы. Перевод этой книги в США на английский язык, изданный в 1963 г., уже после смерти Левина, сделал его имя широко известным среди специалистов в Европе и Америке. Другая книга Левина по антропологии Японии не была им полностью завершена и вышла после его смерти, но и она стала настольной для этнографов и антропологов: в ней обобщен богатейший фактический материал и дана его этногенетическая интерпретация. Третий крупный труд Левина — книга по истории русской антропологии — ввела в историю науки немало забытых имен, воскресила их деяния, продемонстрировала роль антропологических исследований на фоне исторического движения русской науки в целом и также во многих отношениях воспринималась как открытие.

А сколько идей и первоначально сформулированных концепций, не получивших дальнейшей реализации, было разбросано по статьям или кратким заметкам! Левин внес большой и ценный вклад в теорию этногенетических исследований, в разработку и формулировку концепции историко-этнографических областей и хозяйственно-культурных типов, сформулировал ограничения, которые накладываются самим существом антропологических данных на возможности их использования в качестве этногенетического источника, разработал схему историко-этнографических областей для Сибири, предложил совместно с ближайшими коллегами оригинальные теории происхождения оленеводства и собаководства, дав периодизацию их развития в исторической динамике и проследив локальную дифференциацию в пространстве — всего и не перечислишь...

Таков был, если можно так выразиться, генералитет института в годы, когда началось мое знакомство с Герасимовым. И другие ведущие сотрудники были не менее яркими и запоминающимися личностями, оставившими неизгладимый след в науке. Вспоминается Марк Осипович Косвен, ведущий в те годы специалист по истории первобытного общества и этнографии Кавказа, всегда поражавший нас исключительной живостью и остроумием; вспоминается Сергей Александрович Токарев, охват знаний которого казался подавляюще безграничным и который почти одновременно выпускал книги на такие разные темы, как этнография Австралии и Океании и этнография восточнославянских народов, история Якутии и история Алтая, религиоведение и история социальных институтов; вспоминается Борис Осипович Долгих, неизменно доброжелательный и милый человек, про которого говорили, что всех людей, живших в Сибири в XVII в., он знал в лицо. Это, конечно, — одна из многих институтских легенд того времени, но имена и фамилии их всех и цифры — сколько человек было в каждой семье — он, действительно, держал в голове. Однажды я по крутой институтской лестнице тащил вверх тяжелый ящик с черепами и порядочно упарился — встретивший меня Долгих со своей обычной обаятельной улыбкой сказал: «Это вам не антропологией заниматься, это уметь надо». Возможно было бы многое и многих вспомнить, но перед Вами, читатель, не воспоминания, а попытка обрисовать контуры ушедших в лету людей, среди которых пришлось работать Герасимову. Характер работы больше всего сталкивал его с антропологами, о которых и нужно в первую очередь говорить.

Самой яркой и запоминающейся фигурой среди них был Георгий Францевич Дебеч, тот самый Дебеч, который и привел меня к Герасимовым. Впечатление,

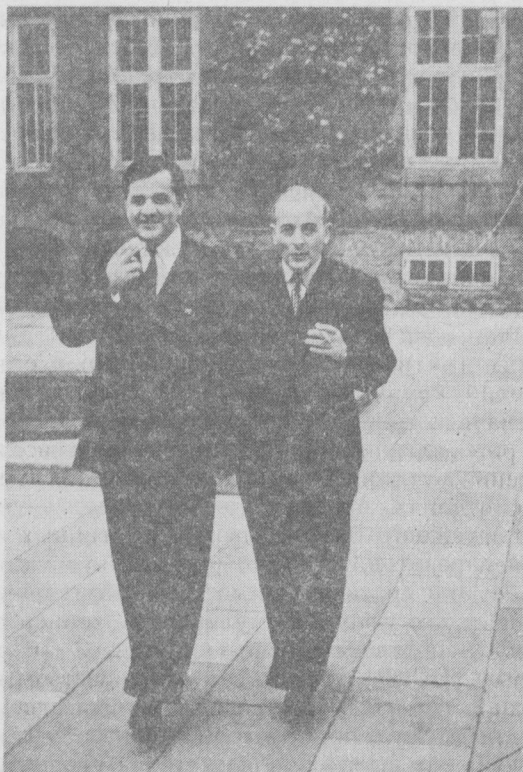

Рис. 2. Г. Ф. Дебец и М. Г. Левин. Начало 1960-х годов

производимое на всех его своеобразной личностью, было огромным, и я не стал исключением. Студентом третьего курса, приходя в Институт этнографии и начав заниматься антропологией, я внимательно штудировал его книгу «Палеоантропология СССР», обобщившую все знания того времени об ископаемых людях на территории СССР. Книга была написана блестяще, но лаконично, трактовала вопросы, для студента-неспециалиста трудные, и я не без усилия проридрался сквозь ее содержание. Постепенно в душе создавался образ автора книги, которого я никогда до этого не встречал, — пожилого, очень интеллигентного, традиционно профессорского вида человека (Дебец уже тогда защитил докторскую диссертацию и имел профессорское звание), почему-то в пенсне и с бородкой клинышком. Рассказы о невероятных знаниях Георгия Францевича и пиетет, с которым называлось его имя, дополняли воображаемый портрет.

Комната, где помещалась институтская библиотека, была небольшая, стеллажи с книгами занимали все стены, посередине стояли три ряда столов (кажется, по пять или шесть в каждом ряду), на некоторых из них стояли таблички с именами сотрудников института: это означало, что стол принадлежал тому или иному сотруднику, но в его отсутствие за ним сидели и другие. Однажды я сидел за столом Дебеца и медленно, конспектируя наиболее важное, продвигался через «Палеоантропологию СССР». Вдруг сзади прогрохотали тяжелые шаги, к столу подошел человек в сапогах и костюме военного покроя и защитного цвета, подпоясанный широким офицерским ремнем, извинился и попросил меня подвинуться. Я встал, он открыл один из ящиков стола, что-то туда положил, что-то взял и так же стремительно, как и вошел,

вышел, гремя сапогами. Ко мне подскочил приятель и, замирая от неожиданности и удивления, спросил: «Неужели это Дебец? — Да нет, — последовал мой уверенный, хотя и удивленный тоже ответ, — не может быть. Скорее всего это какой-нибудь фотограф из Хорезмской экспедиции». Почему подошедший к столу человек показался мне фотографом Хорезмской экспедиции — до сих пор не могу ни объяснить, ни понять!

Сгорая от любопытства, мы выскочили в центральную комнату, через которую бегали сотрудники. Фотограф медленно ходил, заложив руки за спину и покуривая папиросу. Только тут его удалось как следует рассмотреть. Полноватая, но статная высокая фигура, энергичная походка, крупное лицо южного типа с широким мясистым носом и огромными выразительными глазами, стрижка под бокс — все это настолько не вязалось с обликом седоватого интеллигента в пенсне и с бородкой, что я окончательно решил: нет, этот человек не может быть Дебцом. И только, когда он подошел к стоявшему на стремянке монтеру, поправлявшему проводку, и заговорил, возникло сомнение: нет, фотографии так говорят редко. Характерной чертой Дебца, которую я почувствовал позже, была исключительная чистота речи даже в обыденных ситуациях, при повседневных разговорах. Он не допускал недоговоренностей, небрежного построения фразы, никогда не перебивал себя, не употреблял слов-паразитов, его речь всегда производила впечатление красивой четкости. И эта красивая четкость и обратила на себя внимание сразу же, как только я его впервые услышал. А это был он — сотрудник, к которому я обратился, подтвердили мою ошибку.

«Палеоантропология СССР», создавшая ему заслуженную славу, была итогом двадцатилетней работы над палеоантропологическими коллекциями, хранившимися в разных музеях Советского Союза. В истории советской антропологии, пожалуй, нет другой книги, которая вводила бы в науку такой большой и разнообразный, исследованный самим автором материал, добытый при раскопках, проводившихся несколькими поколениями археологов, и происходящий со всей огромной территории нашего отечества, и одновременно давала бы ему столь законченную и логически стройную теоретическую интерпретацию. Палеоантропологические исследования начали появляться в России с середины прошлого века, у начала их стоит такой универсально гениальный ученый, как Карл Максимович Бэр, но сводных работ, которые охватывали бы всю Россию, в послереволюционный период — весь Советский Союз, не было, и Дебец выступил пионером. Всеобъемлющий охват наличных фактических данных, изучение сотен скелетов людей разных эпох, живших в различных районах территории СССР, позволили установить сходство и различия между ними, проследить физическую преемственность и восстановить картину древних миграций больших масс людей на далекие расстояния. Именно поэтому книга Дебца привлекла столь большое внимание не только антропологов, но и историков и археологов, именно поэтому его справедливо называли и продолжают называть создателем советской палеоантропологии.

Помимо общей панорамы динамики физического типа древнего населения СССР книга содержала и много частных новаторских наблюдений, имевших огромное историческое значение. Кому могло прийти в голову, что в древности в горах Алтая и долине верхнего Енисея, ныне населенных монголоидными народами, могли жить европеоиды! Правда, сибирский врач Горощенко описал в начале века серию черепов из курганов скифского времени в Минусинской котловине — они оказались европеоидными. Но Дебец продемонстрировал этот факт и для всех периодов эпохи бронзы, показал, что люди европеоидного типа жили и в горах Алтая, и в Тувинской котловине, что пришли они с запада и происхождением своим обязаны широкому движению европеоидного населения с запада на восток по всему поясу евразийских степей. Вернее будет сказать — сам Дебец не формулировал такой концепции, но он установил для нее несколько фундаментальных опорных фактов, потом получивших

подтверждение, большое число аналогичных фактов было накоплено в ходе всех последующих исследований, что и привело к формулировке названной концепции, толчок развитию которой был дан его работами.

Но за плечами Дебеца уже в те годы возвышалось не только монументальное здание «Палеоантропологии СССР». Помимо тщательного исследования палеоантропологических коллекций в музеях СССР, он постоянно выезжал в экспедиции, имевшие целью обследование антропологии современных популяций. С рюкзаком, содержащим набор циркулей, он совершил длительные поездки по Западной Сибири, Средней Азии и Кавказу, Восточноевропейской равнине. Его знания территориальных групп, проживавших в разных районах СССР, их антропологической специфики и этнографических примет, основанные на личном экспедиционном знакомстве, были необъятны и просто парализовали: думалось — никогда всего этого не узнать и не выучить. В годы, о которых идет речь, он вернулся из двухлетней экспедиции на Чукотку и Камчатку, работал над книгой о результатах этой экспедиции, вышедшей в 1951 г., был полон впечатлений, и его рассказы о Беринговом проливе и островах Диомиды, эскимосах и их своеобразном быте манили совершать подвиги во имя антропологической науки и не жалеть сил, умножая антропологические знания.

Видимо, все это может объяснить тот на первый взгляд парадоксальный факт, что, официально почти не имея учеников (чуть ли не единственный из антропологов, который закончил в Институте этнографии аспирантуру под руководством Дебеца — автор этих строк) и не занимая никаких руководящих постов (многие годы он был старшим научным сотрудником института — и только), Дебец оказал большое идейное влияние на следующее за ним поколение сотрудников. Почти все ученые, работающие сейчас в области палеоантропологии и изучения антропологических особенностей населения СССР и зарубежных стран, в той или иной степени считают Дебеца своим учителем. Он действительно учил, не преподавая, — и заразительным рвением к науке, и любовью к точности, что заставляло его постоянно проверять расчеты других специалистов и считать самому (обработка антропологических материалов предполагает многочисленные статистические расчеты, при тогдашнем отсутствии калькуляторов это требовало огромного времени и внимания), и интересом к исследовательским результатам других работников, и умением говорить с молодежью «на равных», и любознательностью к достигнутым результатам в смежных областях знания, и, самое главное, любовью к самому антропологическому факту, постоянной проверкой его точности, критическим и придирчивым отношением к фактам, собранным и им самим, и другими. В этом отношении он был неповторим, уникален и спас советскую антропологическую литературу от многих небрежностей, которые, не будь его, могли бы в нее проникнуть.

(Продолжение следует).

Talks (part 2)

Our journal publishes in 1993 the manuscript of V. P. Alekseev «Talks». This is memoirs telling about an outstanding specialist in anthropology and archaeology Mikhail Mikhailovich Gerasimov, who is wellknown as a creator of the method of face reconstruction on the base of skull, authors' contacts with him and his colleagues, also striking scholars.

The second part of the manuscript is published in present issue.